

Тихон Рысеев

616

КИЛОМЕТРОВ

бродяжничество. секты. автостоп.
90-е.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТИХОН РЫСЕЕВ

616 километров

«Автор»

2026

Рысеев Т.

616 километров / Т. Рысеев — «Автор», 2026

«616 километров» — роман-документ, который начинается как обычный дневник. Лето 1996 года. Подросток Тихон едет по трассе через Карелию. Рядом — взрослый мужчина, дядя Миша. Позади — побег, о котором Тихон почти не говорит. Впереди — дорога, которая кажется спасением. Он записывает всё: запах пыли и бензина, ночные стоянки, обрывки чужих разговоров, тепло летнего дождя. Но между строк проступает другое — то, о чём не пишут вслух. Дневник становится не просто тетрадью, а единственным местом, где можно быть собой. Книга оборачивается то ли свидетельством, то ли уликой. Читатель сам собирает историю из дневниковых записей, протоколов и голосов, звучащих спустя годы. Это роман о дороге, которая не отпускает. О людях, которые не умеют спасать. О памяти, которая сильнее смерти. "В конце всего — ты в небе увидишь кольцо".

© Рысеев Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тихон Рысеев

616 километров

Глава

Часть 1

Дневник Тихона Рысеева.

1 июля. 1996 год.

Получилось разжиться толстой тетрадкой в 96 листов. Давно хотел себе что-то типа дневника. Едем в сторону Медгоры из Петрозаводска. Дядя Миша говорит, что там нам помогут с машиной почти за бесплатно, и наверное это здорово, так как последние деньги мы потратили на еду в забегаловке. Когда я спросил, хватит ли нам бензина, дядя Миша лишь рассмеялся. При мне он раза четыре сливал горючее с других машин, воспользовавшись длинным шлангом и двадцатилитровой канистрой.

О нем, наверное, я напишу позже. То есть о дяде Мише. Сейчас могу сказать, что он один из немногих людей, который мне помог. И да — если ты это читаешь (а ты будешь читать, я знаю), то не придирайся к почерку. Ты сам говорил, что левши пишут как курицы лапой.

Моя история долгая, тяжелая. Сейчас о ней не хочется вообще писать, пока за окном нашей "девятки" светит жаркое солнце. Сколько мы уже в пути — а я все не могу налюбоваться на трассу. Леса в Карелии красивые. Точно знаю, что на подъезде в Медвежьегорск дорогу обступят щербатые скалы. Ну разумеется мне хотелось бы там ползать, но дядя Миша не любит тратить время попусту. Печально.

Онежское озеро мы уже видели, кстати. Ходили на Чертов стул и чуть далее, чтобы искупаться. Вода была холодной, но от нас за долгое время пути уже несло потом и бензином. Там быстренько постирались, высушились, и поехали дальше. Я все ожидал, когда же я заболею, но видимо мой организм в общине приспособился к перепадам температур. Могу похвастаться, что я могу ходить босиком по снегу пятнадцать минут. Да господи, о чем я?

Галя, или же в кругу своих "Гас", говорила, что я похож на привидение. Ну уж простите: я бежал с общины в чем попало, и у меня не было времени отъедаться, чтобы прошли синяки под глазами. Наверное, она была первой, кто мне помог. О ней тоже чуть позже. Как только стемнеет. Дядя Миша ее знает. Он, как он сам заявлял, что не раз спал с ней. Может быть и она о нем была хорошего мнения, раз напоследок успела всучить меня Михаилу. Точно знаю, что они где-то вместе учились. Или были сожителями?

И снова отступление: пока в памяти, мне нужно раздобыть немного новой одежды. Михайловым свитером хоть как одеялом укрывайся, и он мне почти до колен. Штаны порвались на бедре, а в рубашке жарко. Ладно хоть не босой, но тут снова спасибо Гас.

Такие вот пироги. Скучно. Дядя Миша молчит, баек своих не травит. А когда я начинаю рассказывать про Ванечку из общины, то он прибавляет громкости на магнитоле. Видимо Таня Буланова интересней. Ну ладно. Опять я с ума схожу. Или просто не умею играть в доверие.

Едем уже черт знает сколько. "Девятка" тащится, в животе урчит от голода, и хочется пить. А лучше бы холодного пива, да под сигаретку. Алкаш в пятнадцать лет? Да, зато спится крепко, и не вздрагиваю. "Ты плакал во сне" — как-то заметил дядя Миша, и мне стало стыдно. Он знает, что мне есть, что оплакивать.

НОЧЬ.

Сломались. Машина затарахтела, затроила, задымила, и только богу известно, что в ней сломалось на этот раз. Дядя Миша смачно выругался, закурил, и очень хорошо врезал по колесу ногой. Он отошел вперед, попинал пыль на обочине, и созвал меня в белую ночь помогать. Вручил мне фонарик, и велел светить. Пыльное нутро машины воняло паленой пластмассой, и пока мой попутчик ругался и искал в багажнике инструменты, я свиснул у него из пачки сигарету. Свои украденные я уже высмолил сотню километров назад. А дядя Миша вернулся, строго посмотрел на меня с сигаретой в зубах, и заметил, что между прочим курящие дети останавливаются в росте, или в жизни. Точно не помню, но бросить вредную привычку меня это не убедило.

Будь у нас еда, мне бы нисколько не претило остаться здесь до утра. Вокруг лес, машины не ездят. А что еще тут делать ночью? Я уверен, что те три полуночные машины, которые мы видели, спешили по таким-же нечистивым делам как и мы. Вот кто в здравом рассудке поедет черт знает куда в такое позднее время?

Дяде Мише стало жарко. Он разделся до одних палёных джинс, и весь измазался в мазуте. Что делать? Что делать? Мне надоело светить фонариком, и я ушел на задние сидения слеповать за тетрадь. Дядя Миша уже измазал себе лицо, видимо отгоняя от себя жадных комаров. Жутко выглядит, если не знать, что дядя Миша так-то добрый. Ну вот сами представьте, что вы одни ночью на трассе, и вокруг вас бродит высокий крепкий мужик с животными дикими глазами. Он еще волосатый как зверь, небритый. Портаки еще его эти... Мне не страшно уже. Я привык. Как-то при мне он поцапался с каким-то мужиком, и здорово ему навалил, что тот даже потерял сознание. Дядя Миша же раньше боксировал, до всей этой мути с мошенничеством и прочим говном. И разумеется, он забил хер на то, чтобы обучить меня паре приемчиков.

"Тебя соплей сбить можно" — сказал он тогда, имея в виду то, что я низкорослый и тощий как скелет. Только тебе, дядя Михаил, стоит признать, что я пипец какой выносливый. Хотя, стоит ли это качество считать преимуществом? В общине я так завидовал Ванечке только за то, что он не был выносливым. Он вообще был никаким, и даже не понимал, где он, кто он, и что с ним вытворяют. Я бы тогда отдал все, чтобы быть как Ванечка.

Уснул на пол часа, пока не услышал крики. Дядя Миша опять распахнулся, и грохнул крышкой капота со всей силы. Вот же херня.

2 июля. 1996 год.

В машине жарко. Утреннее солнце превратило эту грудку металлолома в духовку. Да я бы спокойно спал обливаясь потом, если бы кое кто не храпел. По итогу я чиркнул дяде Мише записку, что решил немного пройтись, размять ноги.

Преудобно устроился на крупном валуне под высохшей облезлой елью. Как только доберемся в Медгору, надо по возможности добежать до газетного киоска или телевизора. Надо узнать, сработал ли план дяди Миши, или все опять наляпали как попало спустя рукава? Конечно, в идеале было бы лучше съездить "туда" лично и узнать, разогнали ли общину, но боюсь, что дядя Миша пошлет меня с моими затеями. Или, как вариант, бежать еще от него, и самостоятельно обращаться в милицию.

Я, Рысеев Тихон Батькович, родился 16 августа 1981 года, был признан пропавшим без вести после побега из дома... Все это время был силой удержан в общине сомнительной репутации под названием "Церковь третьего креста", а точнее — Глазуновым Иннокентием Петровичем, который был старейшиной. Со мной также находились... "

А потом бы меня отправили в детский дом. Мать то все равно мертва, а папашу уже наверняка посадили. Бабка уже не в состоянии о ком-то заботиться. Да и надо ли ей?

Найти бы пистолет! Добраться до общины автостопом, а там пешком по бездорожью. Перестрелять всех Глазуновых нахрен, и все. А что еще? Если дядя Миша стукнул ментам, то

и стрелять то будет уже не в кого. А если менты даже и не думали заявляться туда с проверкой, то надо что-то решать. Да и если пришли с проверкой, Глазуновы могли всех детей перепрятать по падвалам или еще где, и начать корчить из себя святош, коими они ни хрена не являлись. Я то уж точно знаю.

Мне так тошно от этого чувства, когда чего-то не знаешь, или когда вроде пытаешься что-то сделать, а толку никакого. Ну вот, снова себя довел. Спасибо.

Машина мертва. А скоро будем и мы, без воды и еды. Сигарет осталось три штуки, а до ближайшего населенного пункта километров 50, может даже больше. Я предложил дяде Мише скататься автостопом до какой-нибудь деревни, позвонить. Он, конечно, мой порыв помочь оценил, но только с грустью константиновал, что звонить нам некуда. Интересно, что бы сделал в такой ситуации мой отец?

Пять часов вечера. Остановился на помощь какой-то дед на жиге. Пока дядь Миша его отвлекал внутренностями сраной девятки, я забрался в жигу, и стащил с кошелька в бардачке пару бумажек. Не все деньги, хотя чего я оправдываюсь? Как только я ускользнул в лес, чтобы сходить в туалет, дядя Миша едва заметно кивнул мне, и начал активно прощаться с дедом. Тот, пожав плечами, видимо понял, что "девятке" уже не помочь, и покатил себе дальше. Я вернулся к дяде Мише, и мы разделили деньги честно пополам. Только толку от них на трассе посреди ничего — ноль.

Остановился "краз". Водила дал нам воды, и сказал, что может нас подцепить, и доволочь до Медгоры. У него я воровать ничего не стал, да и наоборот: дядя Миша за такую помощь отдал свою долю с ворованных мною денег нашему спасителю.

"Починим эту развалюху, а там уже придумаем что-нибудь" — бодро сказал дядя Миша.

3 июля. 1996 год.

Блин! А зачем я помечаю год? Тетрадь толстая, но ненастолько, чтобы в нее уместить еще пару лет.

Всю ночь не спал. Когда нас добуксировали до Медведьегорска, было уже десять вечера. Спасибо водиле — он дотащил нас до знакомых дяди Миши. Это были трое каких-то чуханов, которые набросились на "девятку" как вороны на сбитую лису. Дядя Миша с ними о чем-то потрепался, а меня представил этим чудикам как своего племянша. Один из них, который показался мне самым подозрительным, сощурился на мой лоб, и спросил, где я сидел. В какой колонии для несовершеннолетних, судя по всему. Благо, за меня ответил дядя Миша, и сказал правду: мол так и так, парнишу пару лет продержали в секте, а еще клеймили татухой на лбу. Тот мужик подошел ко мне ближе, сощурил глаза, но так и не смог в греческом слове «Τύχων» прочесть мое настоящее имя.

Двое вроде тоже хотели что-то спросить, или заявить, но дядя Миша увел меня внутрь дома, где жена одного из троих нас накормила и напоила чаем. Опять же послышался вопрос про мою татуировку и от нее, но если честно, я так устал, что доверился дяде Мише объясняться за меня. По его легенде я его племянник. Вот и пусть отдувается.

Мне выделили целую комнату. Я попросил не закрывать дверь. Поспал, наверное, часа два, а потом стал бродить по дому в поисках дяди Миши. Так и не найдя его, я не на шутку испугался. Неужели он свалил? Такое уже было с Галей, но ее то можно было понять. Я успокоился, когда услышал его голос с улицы. Понятное дело — он чинил машину вместе с теми

трем обмудками. Тут уж не до сна, дело важное. Нам же еще долго по Карелии слоняться, и ни хрена не делать.

Я снова начал дремать, когда появился мой спутник. Он скинул устало ботинки, и так, между прочим добавил, что мой портак можно попробовать свести со лба марганцовкой. Но это больно. Я справедливо заметил, что было в разы больнее и страшнее, когда ее накалывали. Помню, что мне еще тогда связали руки, а еще держали, чтобы сильно не брыкался. С другими малолетними бродяжками вроде меня было тоже самое, только у них были свои имена.

Дядя Миша опять захрапел. Я устроился на кухне. Нашел трехлитровую банку с кипятком и осушил почти половину. Потом надо найти туалет.

4 июля. И важно ли, какой сейчас год?

Галя, или Гас, как звали ее другие проститутки в том придорожном комплексе. Сама же она представилась в нашу первую встречу довольно пафосно, назвав себя Шерилин. Когда я сказал про это дяде Мише, то он прыснул от смеха и сказал: "Какая нахрен она Шерелин? Галька ПТУшница — вот кто она такая". Мы встретились с ней где-то в конце июня вроде. Я только сбежал из общины, и ловил попутку хоть куда-нибудь, только подальше от того места. Я уже уехал тогда на добрых двести километров, но мне все казалось, будто меня преследуют. Я еще одет был в какую-то огромную рубаху и штаны, да еще и босой. Пара попутчиков, которые меня подвозили, смотрели на меня с опаской, наверное думая, что я какой-нибудь сумасшедший. Когда остановилась фура, я залез в кабину, и сказал, что мне не важно куда ехать, лишь бы как можно дальше.

Не помню водителя, хоть убей. Он вроде и не говорил ничего, а может и говорил, но я был занят разглядыванием зеркала заднего вида, ожидая погоню. Но мы были не одни: позади нас спала женщина лет тридцати с голубыми теньями на веках, и с огромными кольцами в ушах. Когда она проснулась, она вытупилась на меня, и предложила жвачку.

А потом сказала, что я выгляжу как чмошник, и начала плевать в "ленинградскую" тушь, чтобы покрасить кое как ресницы.

"Еп твою мать, парень! Ты мне кровийшей своей весь коврик засрал" — подал голос дальнбойчик. Я так испугался, что уже смирился с тем, что меня опять оставят посреди трассы. А дело в том, что пока я бежал, возможно я на что-то наступил, и ступни снова закровоточили. Женщина с голубыми теньями за меня заступилась, и попросила водилу остановиться, чтобы посмотреть мои раны.

"Пипяу паря. Ты че, типа на стеклах танцевал?" — спросила она, развязно чавкая жвачкой. Когда она пыталась перевязать мои ноги какими-то тряпками, ее высокий хвост забавно покачивался. Дальнбой нервнo расхаживал рядом и курил, и в воздухе витал вопрос: а что со мной случилось? Откуда я? Что со мной стряслось?

— Я с секты сбежал.

— Охренеть! Во даёт, да? — обернулась к водителю женщина. Она тоже закурила. Потом добавила:

— Короче, если хошь, можешь со мной на стоянке сойти. Я тебе шузы какие-нибудь придумаю. Да и прикид нормальный. А то как пугало огородное, ей богу.

И, она заглянула в мои глаза. Игриво улыбнулась, и протянула ладонь с красным лаком на длинных ногтях. Представилась Шерилин. Я назвал свое имя. А потом начал оправдываться за загаженный кровийшей коврик, и чуть ли не плакать. Я говорил, что ехал в трех машинах, и крови почему-то не было.

Всю дорогу Шерелин-Галя-Гас спрашивала меня про секту. Охреневала она знатно, я скажу. Я бы сам охренел. Когда Гас задалась вопросом "а что делать теперь?" я впервые задумался о том, что мне нужно обратиться в милицию и заявить о преступлении. Гас сказала:

— Ой, пока барбосы расшевелиятся, там всех положат еще до их прихода. Я те как бывалая отвечаю. У меня хахаль буйный был, так его на пятнарь оформили лишь после того, как я чуть богу душу не отдала от его кулачин. На секунду блин, я катала заявку за месяц до того, как он меня в больничку отправил. Представляешь?

— Родители то есть? — спросил водила.

Я помотал головой.

— Ща доедем, и Шерелин тебе сообразит, че делать, — сказала Гас, уверенно шуря глазки на шелковую ленту дороги.

И когда мы доехали до придорожного комплекса, Шерелин вручила меня своим подругам, и велела им не спускать с меня глаз. Сама пошла в гостиницу. Тетки, также смачно чавкая жвачками как Галя, накормили меня. А к тому времени Гас вернулась с одеждой и ботинками.

— На! Носи и вспоминай Шерелин добрым словом. Я еще позвонила куда надо, но меня послали. Завтра еще наберу кое-кого, и подумаем, что с твоей сектой сраной делать.

Я переоделся за фурами. Уже чувствуя боль и хромая, я вышел показывать наряд проституткам, и те оценили старания Гас. Та всеми правдами и неправдами выманила одежду у постоянцев гостишки, как она сказала. С миру по нитке — голому рубаха, получается.

Спал, помню в кафе, уронив голову на столик. Пока посетители веселились и пьянствовали, мне удалось немного выспаться. А когда я очнулся, Гас мне представила дядю Мишу.

С дядей Мишей сначала не ладилось. Угрюмый небритый мужик в затасканной майке. Пьянящий, до предела. Гас даже его придерживала, дабы он не упал на кого-нибудь. Сама она то и дело поправляла коротенькую юбку на заднице, и орала на дядю Мишу.

— Че, беглец! Я тебя Мишке сплавлю, уж прости. Не могу ж я пацана с собой на дело таскать как мамка, сам пойми. А Мишка Дмитриев хороший, я те отвечаю. Угрюмый хоть, но добрый. Правда. Он тебя до Петрика довезет. До нормальной ментовки.

Дядю Мишу вырубил на столе. Гас грустно поджимала губы, а я сдерживал слезы. Ее у входа ждал клиент, и она снова куда-то поедет, на встречу приключениям и легким деньгам. Она потрепала меня по волосам, и убежала в ночь. Я остался в кафе, сторожить вырубившегося дядю Мишу. Я был уверен в том, что когда он проснется, то даже не вспомнит, что ему завещала Гас. Или Шерелин. Или Галька ПТУшница.

Мне нравится доводить дядю Мишу тупыми распросами. Он забавно дуется, а потом смешно ругается. Однако он знает, как меня заткнуть. Тут уже у него все козыри.

По поводу машины: с горем пополам починили. Что-то там заменили, заварили — куча непонятных мне подробностей. Я сходил в магазин, купил нам сигарет (очень удобно иметь татуировку на лбу как доказательство того, что ты типа совершеннолетний), хотя мне бы и так продали хоть бутылку водки. Взял еды немного в дорогу. Что еще? Я забыл, что я купил.

У меня даже остались деньги. Немного, но хватит там на всякую фигню. Вечером перед дорогой сходили в баню. Сейчас направляемся в Вологодскую область — опять воровать и тырить бензин.

Забавный факт: от троицы обмудков узнал, что у дяди Миши было прозвище "Локоть", потому что он им легко вырубал людей, и выносил окна у машин, чтобы выковырять магнитолы. Неплохие бабосики за магнитолу дают, кстати. Михаил наш расчудесный грезит уже о номере в гостишке, где можно будет проспять пару дней подряд. Он итак, когда за рулем, ставит меня за дозорного, чтобы, если что, я будил его и держал руль, если он опять заснет за баранкой. Так что польза от меня тройная, а то и четверная. А чтоб прям не спал, я довожу его болтовней или распросами.

Дорога в Вологодскую область — самая тяжелая, отвратительная, и нудная. Даже сказать то и нечего.

5 июля. 1996 год.

Нет, я так больше не могу уже. Жарко, дышать не чем, жопа уже вся затекла от долгого сидения. Природа ублюдочная. Леса преимущественно лиственные, влажные, а я такие ненавижу. То ли дело елки да сосны в Карелии! А тут просто царство сырости и уныния. Осины, березы. Березы да осины. Единственное развлечение, которое мне доступно — это с помощью своей ручки перематывать заслушанные до дыр кассеты на начало. Сигареты опять кончились. Дожили до того, что пока делали остановку чтоб сходить поссать — додумались из окурков и тетрадной бумаги соорудить самокрутку. Дядя Миша затыкнулся, выдохнул, ему нормально. У меня от крепости и горечи бумаги чуть слезы из глаз не пошли.

Вот вроде делать нечего, а писать совсем не хочется. Да и невозможно с такой дорогой. Я итак уже все страницы исчеркал. Истории все рассказаны, дядя Миша допрошен. Че еще делать?

Гас бы точно нас развеселила. Шутить она умеет. Но ах и увы — ее с нами нету, но дядя Миша обнадежил, что возможно еще ее встретим. Оказывается, она сама колесит автостопом от клиента к клиенту по городам и весям, и вполне вероятно, что мы можем ее подцепить в Вологде или Череповце. Очень сомневаюсь. Но очень надеюсь.

Спрошу ка я дядю Мишу, а женился бы он на Галине?

Ответ: да, если бы были обстоятельства получше.

Еще меня обозвали сводником, и счастливо улыбнулись. Дядя Миша редко улыбается.

Нет, я когда-нибудь не выдержу. Всю обложку исписал своим именем. Мало того, что меня клеймили, так теперь я занимаюсь тем же самым, только с этой несчастной тетрадкой. Кстати, может быть даже так, что Ванечка меня уже забыл. Может из него уже выбили все воспоминания, и он опять отлеживается бедный на койке, и даже не понимает, за что его набили. Нет, нет, нет. Не думать! Ну зачем я опять туда? Зачем?

6 июля. 1996 год.

Не имеет значения где мы, и что было за окном. Пару раз подсосали бензин. Мы в Вологде. Господи, ну почему из всех городов в стране мы поперлись именно сюда? Тут храм на храме, да храмом погоняет. Эти золотые купола вблизи, в дали, с боку. Зачем вам столько церквей? Где вы успели так нагрешить, что решили настроить себе этих чудовищ?

Я за время в общине до того допятился на кресты, что мне кажется, что распятие уже навсегда отпечаталось на моей сетчатке. Я наизусть помню строки из Евангелия. У меня спина до сих пор помнит каково это — стоять по пять часов на коленях и без конца молиться, молиться, молиться, молиться. Губы уже не слушаются, ты даже не шепчешь. Голосок молитвы звучит где-то далеко, или где-то глубоко в мозгах, где вашему "боженьке" уже не услышать. Заставьте рыдать всех детей на земле, и ваш бог все равно не придет.

Почему мне не набили на лбу имя Ваал-Фегор? Это куда круче, чем какой-то святой. Ну молился я, и что? Мне на помощь пришли проститутка и бандит.

Нет, ну просто смешно.

Вологда — я тебя ненавижу. Череповец — а с тобой я еще подумаю. Поговаривали, что у тебя вроде бы круто.

Девятый круг ада — круг предателей. Третий пояс Птоломеи, куда вмерзают по пояс те, кто предал друзей и сотрапезников. Моим же птоломеем был Арсенья — сучара с кроличьими зубами, и какими-то аморфными чертами лица. Мне казалось, что ему сполна доставалось от общины, и по идее он должен был ее возненавидеть еще больше чем я, но этот больной придурок ее любил. Это он нашел меня на улицах города, когда я уже как неделю сбежал из дома, и почти ничего не ел. Этого уродца даже одевали прилично. Его, как псину, натащали заманивать бродяг за собой. Вонючий уродец. И когда его за любую провинность лишали еды, или запирали в подвале на ночь, я не мог не радоваться. Он притащил троих, обещал еду, ночлег, помощь, а потом его швыряли в наши ряды, и страдал он точно так же как и мы все. Но нет! Его это не переубеждало.

Нет, клянусь, я бы его сейчас избил чемнибудь. А еще он стучал на меня, если я что-то делал не так. Правильно, за стукачество же поощряли. Господи, я ненавижу эту гниду.

Вот вся эта Вологда незаслуженно спускает меня до девятого круга. Дяде Мише нормально, хотя он заметил, что я насупил как жаба. Не буду же я ему говорить, что вся проблема в храмах и крестах. А то еще решит, что я нечисть какая-нибудь. Хотя чего я — дядя Миша это все равно прочитает. Так что дядя Миша — тебе привет от меня, и ради всего для тебя ценного — давай уже поскорее свалим отсюда?

Кстати, ты откуда денег раздобыл? Ты вроде из машины не выходил больше чем на пол часа.

Хм, дядя Миша что-то себе намурлыкивает довольно под нос, денюшка карман отяжеляет, а кресты очей не спят. Хорошо быть в неведении.

7 июля. 1996 год.

День Иоанна Предтечи и так далее, и тому подобное. Переночевали в гостишке, отоспались, отдохнули, выпили даже. Курс на Череповец — везем что-то в багажнике. Очень тяжелое, и судя по всему ценное. Какие-то запчасти для иномарки судя по всему, и скорее всего какой-то местной богатой шишке, раз платят сполна.

Нет, я так не могу. Арсенья, я от тебя не отстану. Если бы я мог, я бы спас всех, кроме тебя. Пусть тебя избивают, заставляют на жаре карачиться на огородах, пытаются голодом, молитвами, насилуют, запирают в подвале, унижают, и пугают сраным концом света в конце 99го года. Я бы тебе устроил конец света прямо сейчас, уродец. Тебя Кеша с братцем пускали по кругу в сарае как кобели шавку, и ты побежал первым делом в моливную комнату выпрашивать прощения у креста ЗА НИХ? Ты с одного в спальню к Кеше бегал, чтобы рассказать про то, как я пытался хлеба немного взять без спроса. Да черт с ним, я бы с тобой поделился. Я со всеми поделился, но стучать побежал в тихую ТЫ! Мне было жалко муху отгонять, а тебя вообще нисколько не жаль, тварь сраная.

Нет, сволочь! Не притворяйся идиотом. Ты прекрасно понимал, куда нас всех вел. На своей шкуре как самый старший из нас знал, но при этом притащил нас в тот ад. Все ты понимаешь, и псалмы вызубрил, и выслужиться рад, как последняя потаскуха. Ты не Ванечка, у которого синдром Дауна, так еще и слабоумие от частых избиений, в которых, кстати, ты тоже виноват. Ты можешь притворяться придурком перед Кешей и его семейством сколько угодно, да даже и они тебе не верили.

Попустило. Выдохнули. Самое худшее еще впереди, а меня уже тошнит. Чем дальше от Вологды, тем веселее. Дядя Миша опять вспоминал, как хотел стать чемпионом по боксу, но у алкоголя и разгульного образа жизни на него были другие планы. Девоч своих пол дороги вспоминал, и даже хвастался. Галю, кстати, мы пока так нигде и не подцепили.

Погода еще стала угрюмой, видимо напिताвшись моими гневными речами. Закрапало. Мы решили не упускать такой возможности, и вышли из машины, чтобы просто помокнуть. А почему бы и нет? До прохладного душа еще километров двести, а тут теплый освежающий дождь. Еще, кстати, громило, и я очень хотел, чтобы были молнии, но их не было. Видимо, гроза прошла где-то рядом.

Походили все сырые вокруг машины, размяли мышцы. Дядя Миша облокотился о машину и задумчиво закурил. Он спросил:

— У меня даже дома теперь нету.

Ну, я это знал. Он сам говорил, что продал квартиру, а на вырученные деньги хотел взять другую, и благодаря каким-то махинациям — побольше. Но в итоге прогорел, а потом купил "девятку". А остальные бабосики пропил. Тут напрашивается слово из трех букв, но я не хочу получить подзатыльник.

Потом дядя Миша спросил, что дальше то делать? Я знаю что! Разминать локоть и ехать в "Церковь третьего креста" бить всем рожи. Без квартиры, но зато герой, спаситель. Ой, чую опять получу затрещину, однако какая-же эта сладкая мечта, прости ж ты меня господи грешного.

На дядю Мишу иногда накатывает грусть, и он даже ее не стесняется, хотя он не тот человек, который любит показывать слабинку. "Сначала пропускаешь пару ударов, и когда противник думает, что тебе каюк — отвешиваешь ему по роже. Раз! Раз! И он уже на полу" — говорил он.

Я мягко намекнул на Карелию. Там хорошо. Дядя Миша сам это знает. Отвезем груз, отдохнем, и поедем через Вознесенье обратно.

8 июля. 1996 год.

Отец тогда напился. Мать начала орать на него. Уже велела мне одеваться, чтобы идти к бабке ночевать. Она забрала у него бутылку спирта, а он ей подарил кухонный нож в живот. Я сначала решил, что мне это показалось, но мама повалилась на пол и схватилась за живот. Потом было невероятно много крови. Когда я подбежал к ней, я даже поскользнулся на темно-красной луже. Отец же сел за стол, налил в стакан, и безжизненно сказал: "Зови соседей".

Нож, кстати, был еще на столе. Я так испугался, что совсем забыл про соседей, и просто выбежал из подъезда. Все бежал, бежал, бежал. Отец мог бы и меня порнуть. А потом я побежал обратно. Вдруг еще маму можно спасти? А я трус убежал. Я вернулся в квартиру. Отец лежал рядом с матерью с перерезанными запястьями, но он был живым — не глубоко резал. Скорее всего отрубился. А нож его угодил даже не в живот, как мне показалось, а в сердце. У мамы были уже трупные пятна, хотя я еще пытался ее разбудить, дергая за окоченелую холодную руку.

И я снова сбежал. Странно, но в первый день, когда я прятался на заброшенном заводе за городом, мне даже не было страшно. Мне не было плохо, не было хорошо. Я провалился на полу за какими-то ржавыми бочками, и поднимал голову, когда начинали лаять бездомные собаки. Помню, что мечтал о том, чтобы перестать чувствовать боль, и чтобы эта свора собак меня съела. А потом растаскала по косточкам по всей территории завода. Косточка там, под кустом полыни. Пару ребер в крышке от трактора.

Я выбирался в лес, и собирал в консервную банку чернику, и закидывал ее в рот. Пил воду с какого-то ручья. На третий день несколько собак даже с любопытством подходили ко мне. Не лаяли, не рычали. В их карих глазах будто читался вопрос: что ты здесь делаешь, человек?

Потом, когда я выбрался в город, я просто ходил. Ноги сильно болели, а запах с пекарен был невыносимым — есть хотелось до ужаса.

У меня не было сил на траур. Я не понимаю, почему я больше не плакал по матери? Боюсь, что всю мою скорбь перебили сраные Глазуновы. Еще этот вонючий Арсений в выглаженной рубашечке. Он сказал мне, что его "семья" сейчас как раз в этом городе, и они занимаются помощью обездоленным. Этот больной идиот еще спросил меня, знаю ли я значение слова "обездоленный".

Нет, не Глазуновы с их сраной сектой. Голод! Голод истощил мою скорбь. Может быть благодаря ему и тем безхозным собакам я так легко пережил смерть мамы. А что случилось с отцом — меня уже не волновало.

Дядя Миша наверное подозревает, что он мне как отец. Как настоящий отец, а не тот, который по белке способен резануть ножом женщину родившую ему сына. Мне самому это неловко признавать, да и больно. Когда-нибудь наши пути разойдутся. Мне налево, а дяде Мише на право. Об этом очень больно и неприятно думать. Совсем не хочется. И писать об этом не хочется. Вообще ничего не хочется.

9 июля. 1996 год.

Медленно, будто во сне или в бреду — к берегу подплывает ржавый паром. Течение Свири такое медленное, но такое мощное, что может при желании слизать с берегов все Вознесенье, если пожелает. Не знаю откуда, но у меня есть страх большой воды. Даже когда мы проезжали шлюз в Вытегре, я старался не смотреть на воду. У меня есть какой-то иррациональный ужас даже перед колодцами, и вообще перед водой в каких-то закрытых цистернах или бочках. И да, Арсений — я знаю значение слова "Иррациональный". Мне не надо притворяться тупым в надежде, что так меня будут меньше бить.

Так вот, паром причалил к берегу. Мы медленно вкатились на него, заглушили мотор, и выперлись покурить. К поручням я близко не подходил. Нафиг надо? Итак стало не по себе от того, что незаметно все дома начали плавно вращаться и отдаляться — а на деле это паром разворачивался. Разумеется, дядя Миша заметил мое нежелание поглазеть на бурю воду, и потому спросил, что случилось. Не знаю, просто боюсь. Может быть в прошлой жизни меня утопили в каком-нибудь шлюзе, или я свалился в колодец.

На нас обратили внимание какие-то местные бабки, и стали тщательно вглядываться. Сигнал принят — действуем. Я назвал дядю Мишу "батей", а дядя Миша по-отцовски приобнял меня за плечи. Между прочим очень неловко так с ним тискаться. Дяде Мише, кажется, тоже не по себе. Но так меньше вопросов, меньше подозрений. Я не хочу в детдом, а Михаил пока не планирует снова возвращаться в тюрьму. Вот и корчим из себя хрен знает что.

Шум винтов, плеск волн, крики чаек — меня вырвало. Блевота с забавным плеском расположилась прямо у меня под ногами. "Тиша, да еп твою медь, а?" — выругался дядя Миша, а я вытер рот рукавом рубахи, и рассмеялся. Даже не знаю, что меня так рассмешило. Бабки что-то закудахтали, и я сказал, что меня просто укачивает. От плавных верчений реальности вокруг паром у меня закружилась голова.

10 июля. 1996 год.

Ночевали прямо в машине. Тусовались у ЖД-вокзала, где-то перекусили, и от нечего делать решили прогуляться по проспекту Ленина до набережной. Жарко.

11 июля. 1996 год.

Снились кошмары. Белая ржавая "Газель" преследовала нас, а точнее меня. За рулем был Кеша с братом. Меня схватили, чтобы вернуть в секту, а дядю Мишу избили монтировкой. Проснулся в таком мерзком состоянии, что пришлось как-то приводить себя в чувство. Дядя Миша живой и целёхонький спал на расправленном сидении. Когда он спал, его лицо было умиротворенным. Подбородок с легкой ямочкой уже подернулся щетиной, а это значит, что скоро Михаил начнет искать нормальный ночлег, где можно себя привести в человеческий вид. Постирать черные штаны, почистить тяжелые кожаные ботинки. Может даже зашить футболки, которые легко спутать с ветошью. Я старался не особо пялиться на дядю Мишу. У него была суперспособность — всегда чувствовать даже через сон, если на него пристально смотрят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.